

Пока есть Отчизна

> Иногда нужно остановиться, оглядеться по сторонам и увидеть, как изменился твой родной край



ФОТО: А. МАКАШОВ, МАРИНА НИКОЛАЕВА

Нет худа без добра

Прошлый год для моей мамы стал настоящим испытанием: болезнь за болезнью, операция за операцией. Живут мои родители, Милутины Нина Григорьевна и Анатолий Петрович, в селе Полоцком Кизильского района. Ближайшая больница – в райцентре. В случае внезапной болезни – лишь бы успеть! До сих пор, слава богу, успевали... Нет худа без добра.

Зимой не было возможности оглядеться по сторонам, увидеть, как изменился родной край: все происходило слишком стремительно, а работа не позволяла отвлечься на внешние «красоты». Да и во время отпуска, когда мама в очередной раз лежала в кизильской больнице, тревога не позволяла быть слишком наблюдательной, поэтому ко всему, что увидела, я бы добавила слово «случайно».

После операции мама, хотя и ходила с осторожностью, но нуждалась в постоянном уходе. Старалась ездить в Кизил почти каждый день. Лишь однажды вынуждено пропустила два дня подряд. Приезжаю на третий день, а в больнице переполох: нет воды. Никакой! Нет воды в Кизиле – вот уже три дня. А на улице жара, которую теперь называют аномальной. Что делать? Иду за советом к медсестре.

– В селе воды не найдете. Проблема даже и с бутылированной. Поезжайте... в Сибай, – говорит она мне сочувственно и вполне серьезно.

«Нет, – думаю, – должны же еще остаться у людей колодцы. Пойду поищу по дворам». Захожу в первый же двор, почти напротив больницы. Вижу бабушку-башкирку.

– Апа, водички не найдется? – и показываю две пустые пластиковые бутылки. – В больнице совсем худо без воды.

– Для больных найду, кызым. Зять вчера из родника целую флягу привез, – и протягивает мне ковшик.

Беру жестяной ковш, черпаю из фляги – а там воды-то уже меньше половины – осторожно наливаю драгоценную влагу через узкое горлышко бутылки.

– Зур рахмат, апа. Якши вода, – благодарю хозяйку, с трудом вспоминая полузабытый башкирский язык: раннее детство связано с Башкирией.

– Пожалуйста, дочка! – слышу в

ответ на русском языке. – А теперь иди. Тебя ждут. Иди с Богом!

И поднимает на меня глаза. Нет, не верю я, что у старых людей «жизни мало!» Это у рубцовской старушки, из стихотворения «Русский огонек», война на время «притушила» жизнь. Но в ее сердце огонь доброты, простой, русской, не измеряемой никакими деньгами, не погас.

«Господь с тобой! Мы денег не берем», – сказала старушка усталому путнику, герою стихотворения Рубцова. «Иди с Богом!» – такими словами проводила меня со двора старушка-башкирка. И не было между нами никаких барьеров – ни языковых, ни кровных. А с моей стороны была лишь глубокая благодарность взрослой женщины, чудесным образом на короткое время вдруг ставшей маленькой девочкой – «кызымкой».

Воды из двух бутылок – опять же чудесным образом – хватило на всю большую больничную палату. Как тут не вспомнить о хлебе, которым Иисус накормил пять тысяч человек. Если от души – то всем хватит!..

То, что зависит от нас

До отъезда последнего автобуса нужно было успеть побывать в районном отделе социальной защиты: донести документы на губернаторскую награду «Семейная доблесть». Иду через площадь возле сельского клуба. В центре площади когда-то была Аллея трудовой славы, которую открывала фотография моего отца, знатного труженика из села Полоцкое.

Сразу за клубом – здание соцзащиты. Это так говорится: «здание». А по сути – старинный дом купеческой застройки. Безнадежно скрипящие, давно не крашенные половицы вмиг разрушают миф о «зажравшихся» чиновниках.

Встречает меня инспектор Светлана Валентиновна Лыкова, худенькая, усталая.

– Почти всю ночь не спала: детей на комиссию возили, – объясняет она свою усталость. – А вы оставьте свои бумаги. Все, что от меня зависит, сделаю.

Вот так! И не надо ей никаких «спущенных свыше» циркуляров по поводу того, «как вести себя с посетителями». Потому что она знает главное: просто нужно делать все, что от нее зависит.

Так же, как делают все возможное и невозможное в условиях удушаю-

щей, смертоносной жары и какого-то постоянного, обреченно-привычного безводья хирурги районной больницы Петр Александрович Васильев и Рашид Саламатович Садыков.

А также, замечательный врач-гинеколог Галина Александровна Золочевская.

Я общалась с ней дважды. «Мне ведь здесь приходится и заведовать, и женщин наблюдать, и роды принимать», – говорит она. Смотрела на нее и невольно любовалась: она – при всей своей чрезвычайной занятости – умудряется оставаться редкой красавицей. «Сколько же ей лет?» – спрашивала себя. Да, действительно, время жалует только избранных – это о ней, Галине Золочевской, матери взрослого сына. Во всем чувствуется гармония, даже в соответствии фамилии: у нее и руки золотые, и душа!..

А мне пора было возвращаться. Попрошала с мамой.

Коль сапоги начнет тачать пирожник...

«Вот парадный подъезд...» Вернее – знакомый вокзал. Да, но только не очень-то он парадный. Когда увидела его после многих лет, удивилась: у крыльца нет... ступенек. Или почти нет: они разрушились, развалились. С трудом преодолел такое «неудобство», вхожу. Скамеек для ожидающих рейса пассажиров тоже нет. Зато есть касса. Правда, она закрыта. Зато открыта дверь. Вхожу туда.

– Здесь продают билеты до города? – кричу в пустоту коридора.

– Здесь... принимают обувь в ремонт, – слышу в ответ. «Все выживают, как могут», – думаю без капли осуждения. И мучительно пытаюсь забыть, что будет, «если хлеб будет печь сапожник, а сапоги тачать – пирожник». Не забывается: будет беда. Но не хочу верить, что с моей родиной случилась беда. Просто произошло какое-то временное – хотя и затянувшееся – затмение. Поймав мой немой вопрос, добродушная женщина-контролер сказала: «Идемте! Купите билет в автобусе: он проходящий».

Поспешила сесть в первый автобус – на «перроне» их было два. Хорошо, что уточнила у водителя: «Вы – в город?» – «Нет, в Ершовку». В автобусе было много детей. «Надо же! В какую-то далекую неведомую Ершовку – и столько ребятшек!» – приятно удивилась я.

Вообще поводов для приятного удивления было все-таки много. Мои родители – пенсионеры, живут отдельно: не хотят родной дом менять

на город. Я же стараюсь быть в курсе их забот. Вот недавно, например, «закапризничал» электросчетчик. Проблема: ни суп сварить, ни чай вскипятить. Узнав об этом, обратилась по телефону в районное отделение компании «Энергосбыт». Готовая к непомерным расходам, прошу назвать расценки за их услуги. Каково же было мое удивление, когда энергетик Эмиль Раисович на том конце провода спокойно и твердо ответил: «Мы все вашим родителям сделаем бесплатно. Все! А заявку продиктуйте по телефону».

Да уж, прав был классик, сказавший про людей, что «милосердие иногда стучится в их сердца». В одном ошибся Михаил Бугаков: не «иногда», а довольно часто. И – слава богу!

Эти глаза напротив...

Как-то рассказала младшему сыну Кириллу, как в коридоре кизильской поликлиники встретила через много лет после окончания школы одноклассника. Он стоял перед дверью кабинета с надписью «Оформление инвалидности». Не хотелось верить, что ему – туда. Мы столько лет не виделись! О многом надо было успеть переговорить!

В школе он был моим соседом по парте: сидел сзади. Был убежденным или, как тогда говорили, пламенным комсомольцем. Любил и знал историю, много читал, умело спорил, имел на все свою точку зрения. Говорили, что его ждет «большое будущее».

Я с этим и соглашалась, и не соглашалась: разве может стать «великим» человек, который так ядовито смеется над моими глазами? Дело в

том, что при каждом удобном случае он тихонько шипел мне: «А у тебя глаза зеленые. Как у лягушки! Такие не бывают!»

Очень я страдала от этого. Даже стеснялась своих «неправильно» зеленых глаз, боялась взглянуть на моего «злодея»-одноклассника. Но однажды все-таки встретила с ним взглядом и... У него глаза тоже были зеленые, только темные.

Повода для стыда больше не было. Зато я поняла кое-что: в его глазах была неприкрытая нежность, которую он так долго, так старательно и так глупо скрывал... А сейчас у него на глазах темные очки и он стоял в очереди в кабинет, где оформляется инвалидность. И в это пришлось поверить.

Как и в то, что давно уже в Кизиле, который ассоциируется с коммунистическим безбожным прошлым, есть теперь и действующий монастырь, и действующая церковь. На территории монастыря, правда, никогда никого не видела. А вот двери церкви всегда открыты...

Пока звонит колокол

Нынешним летом возвращалась я домой не через Агаповку, а через Молжив, и мысли мои смешивались и переплетались. Не могла не сравнивать фантастически разные дома по обеим сторонам дороги – вернее, дворцы и избушки. Было в этом хаосе, в этом смешении, что-то бесовское. Как будто из каждого «особнячного» окна несется адресованное лично мне да и всем сидящим в автобусе пассажирам: «Обманули дурака на четыре кулака!»

Глядя на «блеск и нищету» Молжи-ва, все пыталась определить, чего здесь больше: антитезы – прямого противопоставления, оксюморона – сочетания несочетаемого или уже гротеска – преувеличения, доведенного до ужасных размеров? И не находила ответа. Зато успевала заметить редкие березки возле некоторых чудом сохранившихся «скоромных» домов. И мыслями возвращалась обратно, на родную кизильскую землю.

Нет, не случится беда с моей родиной! Пока возит издалека зять своей старенькой теще воду. Пока, дежурный врач-хирург Васильев – без тени неудовольствия на лице! – увидев экстренного больного, идет мыть руки, бросив на ходу послушным, добросовестным медсестрам: «Готовьте операционную!» Пока «дает отмашку» очередной новой жизни красавица-врач Золочевская. Пока не выставляет счет незнакомым ему ветеранам инженер Эмиль Раисович. Пока скрипят старые половицы под ногами великодушного Светланы Лыковой. Пока едут ребяташки к себе домой, в неизвестную мне Ершовку. Пока приветливо распахнуты двери церкви. Пока звонит в ней колокол. Пока при въезде в город встречаются не только особняки с глухими заборами, но и скромные домишки с крашеными ставнями, резными заборами, березками в палисаднике...

Родина! Далекая, как мое детство...

Я ничего не забыла, родина. Я только вспоминать боюсь. Боюсь, что сердце не выдержит всей нежности, всей любви, которая вдруг нахлынет... Но ничего, справлюсь. Ты научила меня быть сильной. А если ослабею – тоже ничего. «Слезями обольюсь» и, как клятву, прошепчу: «Я ничего не забуду. И ни от чего не отрекнусь. Пока у меня есть ты, Родина» ☺

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА,
учитель литературы школы № 20

> Любят родину не за то, что она велика, а за то, что своя. СЕНЕКА